

«НИКТО НЕ ПОМОЖЕТ, НИКТО НЕ ПОДСТЕЛЕТ СОЛОМЫ»

110 ЛЕТ ИСААКУ БАБЕЛЮ

Известия - 2004 -
13 июля - с. 7

НАТАЛЬЯ КОЧЕТКОВА

То, что автор знаменитой «Конармии» и «Одесских рассказов» служил в Первой конной армии Буденного, вел дневниковые записи, которые потом отчасти легли в основу сборника новелл о походе против белополяков 1920 года, общеизвестно. Об этом он пишет и в своей «Автобиографии». Однако также известна и склонность Бабеля к разного рода мистификациям. В той же «Автобиографии» он пишет, что «родился в 1894 году в Одессе, на Молдаванке...», а Валентин Катаев утверждал, что это выдумка и что на самом деле Бабель родился в Николаеве, там учился в школе, а потом уже переехал с родителями в Одессу. Вот и о том, что во время службы в Конармии он работал военным корреспондентом в газете «Красный кавалерист», Бабель умолчал. Документы на имя Кирилла Васильевича Лютова Бабелю помог получить секретарь одесского губкома Сергей Ингулов. Под этим именем — в стиле других корреспондентов издания (Храбров, Суровый, даже Катастрофный) — он и печатался. В Конармии Бабелю пришлось тяжело: он едва не погиб, переболел тифом. Отец и жена (Евгения Гронфайн) едва смогли его найти. Им помог поэт и партийный функционер Владимир Нарбут. Имя Кирилла Лютова снова всплывает в начале 1920-х, когда Бабель возьмется за «Конармию». Большинство новелл цикла будет написано от имени Кирилла Лютова, и Бабель сделает его похожим на себя. «Известия» публикуют отрывок из очерка, напечатанного в газете «Красный кавалерист» 18 сентября 1920 года. Текст подписан «К. Лютов».

ЕЕ ДЕНЬ

Я заболел горлом. Пошел к сестре 1 штабного эскадрона 14 дивизии. Дымная изба, полная чаду и вони. Бойцы разва-

лились на лавках, курят, почесываются и неистово сквернословят. В углу приютилась сестра. Одного за другим без шума и лишней суеты она перевязывает раненых.

Несколько озорников мешают ей всячески. Все изощряются в самой неестественной кощунственной брани.

В это время — тревога. Приказ по коням. Эскадрон выстроился. Выступаем.

Сестра сама взнуздала своего коня, завязала мешочек с овсом, собрала свою сумочку и поехала. Ее жалкое холодное платьице треплется по ветру, сквозь дыры худых башмаков виднеются красные изыбшие пальцы.

Идет дождь, изнемогающие лошади едва вытаскивают копыта из этой страшной засасывающей липкой Волынской грязи. Сырость пронизывает до костей. У сестры — ни плаща, ни шинели. «...»

А вечером — атака. С мягким зловещим шумом лопаются снаряды, пулеметы строчат все быстрее, с лихорадочной тревогой.

Под самым ужасным обстрелом сестра с презрительным хладнокровием перевязывала раненых, тащила их на своих плечах из боя.

Атака кончилась. Опять томительный переезд. Ночь, дождь. Бойцы сумрачно молчат и только слышен горячий шепот сестры, утешающей раненых. Через час — обычная картина — грязная темная изба, в которой разместился взвод, и в углу при жалком огарке сестра все перевязывает, перевязывает, перевязывает...

Брань густо висит в воздухе. Сестра не выдерживает, огрызается, и тогда над ней долго хохочут. Никто не поможет, никто не подстелет соломы на ночь, не приладит подушки.

Вот они наши героические сестры. «...»